

О.Б. Зенкова, В.В. Копытков, Д.А. Пшеницын
 Культурно-исторический центр «Светоч»
 (Великий Устюг – Москва – Вологда)

НАЧАЛО «ДАЛЬНЕЙ ДОРОГИ» ПИТИРИМА СОРОКИНА

В статье проанализированы архивные данные, подтверждающие, что род Питирима Сорокина своими корнями происходит из Устюжской земли. Настоящее исследование приурочено к 130-летию со дня рождения Питирима Александровича Сорокина (23.01.1889–10.02.1968), выдающегося ученого-социолога, внесшего огромный вклад в мировую науку, хотя большую часть своей жизни (45 лет из 79-ти) он провел в Соединенных Штатах Америки. В 1963 г., уже на склоне лет, он написал и издал автобиографический труд «Дальняя дорога», в котором подробнейшим образом поведал читателю свою полную лишений и опасности историю. В постсоветской России эта книга увидела свет лишь в 1991 г., и с тех пор она пользуется большой популярностью. Особенно чтят Питирима Сорокина на его малой родине, в Республике Коми.

Великий Устюг, Голубинская пустыня, «Дальняя дорога», Питирим Сорокин, писцовые и переписные книги, родословная, Тотемский, Устюжский, Яренский уезд.

Все началось на севере Руси... [7, с. 9]. Родился будущий профессор Гарвардского университета в семье крестьянки и ремесленника в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии. Он рано лишился матери; вместе с отцом и старшим братом в поисках работы *прошел вдоль и поперек весь Коми край* [7, с. 23].

Питирим Александрович, по-видимому, мало что знал из истории своего семейства. Даже «Дальняя дорога»¹ у него начинается в зырянских землях, среди коренного населения. Конечно, он был в курсе, что отец – устюжский мещанин; в Великом Устюге Питирим неоднократно бывал в доме своей тетки Анны Дранковской, жившей с мужем на Красной горе и у которых жил впоследствии его младший брат Прокопий. Здесь Питирим получал гимназический диплом, здесь у него было много товарищей и единомышленников, сюда он приезжал и в *минуты жизни трудные*, и для революционно-пропагандистской работы. Устюгу *ранний* Питирим посвятил дорожные заметки под названием «Пестрое кружево», где любовно и слегка иронично, как истинный устюжанин, нарисовал картину жизни *степенного города*. В «Дальней дороге» Питирим Сорокин называет город предков – *мой любимый Великий Устюг*² [3, с. 86].

За годы жизни профессора, конечно, многие события и даты стерлись из его памяти, забылись имена, а некоторые события приобрели неправдоподоб-

ную окраску, что отмечено исследователями и биографами.

Питириму Александровичу не была известна причина, побудившая отца искать счастья в Яренском уезде: *Я не знаю, как и почему он уехал из Великого Устюга и поселился в Коми регионе. Вероятно, малочисленность ремесленников с таким дипломом³ – и поэтому меньшая конкуренция здесь – обусловили его переезд. А может быть, его привлекли природа края и характер коми народа. Так или иначе, он уже никогда не вернулся в Великий Устюг. О жизни отца до смерти мамы я знаю мало. От своих теток, священников и крестьян я слышал, что он был настоящим мастером своего дела, надежным и честным, удачливым в работе, уважаемым за хороший характер и ум, счастливым в семейной жизни* [7, с. 15].

Социолог А.В. Липский в комментариях к книге П.А. Сорокина выдвигает свою версию: он считает, что Сорокин-старший мог уехать в Коми край *по наказу Стефано-Прокопьевского братства в Великом Устюге, задачей которого было распространение христианства и влияния церкви среди северных народов* [3, с. 4]. Ремесленный цех, где учился А.П. Сорокин, по мнению ученого, опекался братством. Однако в данном случае больше прав Питирим Сорокин: Александр Прокопьевич действительно занимал свою нишу в деле изготовления церковной утвари и проведения реставрационных работ. Как такового цеха в современном смысле слова в Великом Устюге никогда не существовало, это было просто своего рода обязательное объединение мастеров со своим уставом, старшинством и т.п.; работали серебряники в мастерских при своих домах. Ученики, проходя курс обучения, изготавливали экзаменационное изделие и при благоприятном исходе получали свидетельство о приеме в цех. Какая-либо существенная «опека» се-

¹ Эта книга издана также под названием «Долгий путь».

² Возможно, опять же иронично. Сорокин не единственный, кто отмечал *удушающую трясину устюжской обывательщины*. Сам Питирим под псевдонимом Александров в заметке в губернской газете «Эхо» в 1913 г. писал: *Лекция П.А. Сорокина невольно встревожила однообразную жизнь обывателя, что трудно достигнуть в провинции, ибо устюжская «антиэллитария» есть жалкий остаток просыпающегося Севера. Но студенты и курсистки, политические ссыльные и некоторые другие из молодежи заявили: Мы ищем знаний, прислушиваемся к новым словам и в далекой провинции, лекция пробуждает в нас силу для дальнейшего творчества жизни.*

³ Александр Прокопьевич Сорокин – золотых, серебряных и чеканных дел мастер [7, с. 15].

ребрянников со стороны культурно-просветительской религиозной организации, коей являлось Стефано-Прокопьевское братство, при всех ее полномочиях, вряд ли могла иметь место. Устюжский серебряник приехал в Яренский уезд не просто так, наудачу, а, скорее всего, по стопам своих родных (отца и дядей) или же по приглашению священника Ивана Степановича Покровского, приходившемуся ему родственником⁴, о чем, кстати, в книге П.А. Сорокина и в комментариях к ней упоминается [7, с. 270, 292].

Из документов, отложившихся в фондах Великоустюжского центрального архива, выяснилось, что род Сорокиных, к которому принадлежал Питирим Александрович, на Устюге пришлый. Первым устюжанином по мужской прямой линии в этом роду был *Дмитрей Михайлов сын Сорокин, 33-х лет*, который записался в устюжское мещанство в 1780 г., а до того числился по *экономическому ведомству* за упраздненной Голубинской Богородской пустынью Тотемского уезда [2, ф, 361, оп. 1, д. 11, л. 489 об.; 4, с. 538–540].

В самых ранних сохранившихся исповедных книгах церковью Тотемского уезда за 1774 г. ни по Голубинской пустыни, ни по деревням уезда, ни по Тотемскому посаду Сорокиных (за исключением диакона *Богоявленского собора, дьячка и пономаря Троицкой церкви*⁵, *двух вдов 31 и 76 лет в Тотьме и семейства 33-летнего Сергея сына Данилова в деревне Кожуховице Ихалицкого улусца*) не обнаружено [2, ф. 363, оп. 1, д. 95, л. 18, д. 361, л. 2 об., д. 2765, л. 59–59 об., д. 2766, л. 4, д. 5942, л. 1]. Не указаны Сорокины и в исповедных ведомостях бывшей Голубинской пустыни за 1774, 1777 и 1779 гг. [2, ф. 363, оп. 1, д. 2765, л. 245–245 об., 239–242 об., д. 3728, л. 240–243, д. 4368, л. 162–165].

Отсутствие «родового гнезда» Сорокиных в Тотемском уезде позволяет утверждать, что предки Питирима Сорокина до появления их в Голубинской обители проживали в пределах обширного Устюжского края, а именно в местности, включенной позднее в состав обособившегося Никольского уезда. В 1774 г., к примеру, крестьяне с такой фамилией отмечены в деревнях Матино и Полутино Ентальского Троицкого прихода, Юшково Енангского Николаевского прихода, Малое Шартаново и Макарово Кичменгского Спасского прихода, в приходе Сретенского

собора в Никольской слободке (будущем городе Никольске) и деревнях Криводеево, Рамешково, Осиново, Кожаево, Дор, в деревне Ермаково прихода Андангской Происхожденской церкви. В этой части Южской трети Устюжского уезда имелась даже деревня Сорокино [2, ф. 363, оп. 1, д. 2152, л. 85 об., 588 об., 589, 659 об., 736, 743 об., 1014, 1018, 1018 об., 1022, 1023, 1030, 1037, 1042, 1047].

В «Писцовой книге города Устюга Великого и Устюжского уезда 1623–1626 гг.» отмечены все населенные пункты этих волостей, но фамилии указаны только у 10–15% учтенного населения, что делает источник для нашего исследования не совсем соответствующим поставленным задачам, так как фамилии Сорокин там нет. Но в деревне Кожаево волости Никольская Слободка отмечены пока еще бесфамильные чернососшные крестьяне Сорокины (*о чем ниже и будет о них подтверждение фамилии в «солдатских» переписях*), а именно: *Волость Никольская Слободка на реке на Югу... В Никольской же Слободке государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси деревни черные <...>. Деревня Кожаево на речке на Кожаевке, а в ней крестьян: во дворе Исачко Спиридонов, да брат его Дружинка; во дворе Ивашко Филипов; во дворе Исачка Спиридонова половник Якунка Андреев...* [1, с. 49].

Однако обратившись к следующему источнику – «солдатской» переписи Устюжского уезда 1658 г., когда с четырех крестьянских дворов был взят на воинскую службу один солдат, мы находим первое упоминание фамилии Сорокин уже в двух деревнях – Кишкине Горе и Кожаеве Халезской волости, о чем свидетельствует следующая запись: *В Устюжском уезде в Халеской волости... Деревни Кишкины Горы: во дворе Тит Исаков Сорокиных, да дети его Афонасей, да Артемей; во дворе Данило Трофимов Зубовых; во дворе Симан Дорофеев Двинянин. Деревни Старыгини: во дворе Сава Гаврилов Рышковых. И с тех четырех дворов взят на государеву службу в солдатской строй Тит Исаков Сорокин. Той же деревни (Кишкины Горы): во дворе Сава Исаков Сорокин, да сын его Иван...* [1, с. 72; 6, ф. 1209, оп. 1, кн. 15040, л. 69–86].

В «солдатской» переписи Устюжского уезда 1667–1668 гг. в деревне Кожаеве отмечены, вероятно, родственники вышеупомянутых Сорокиных: *Исачко Федоров сын Сорокин; дети его Васка, да Максимко, да Омелка* [6, ф. 1209, оп. 1, кн. 15041, л. 219–219 об.].

Таким образом, в деревне Кишкина Гора мы наблюдаем целый «клан» Сорокиных – это два брата Тит и Савва Исаковы со своими детьми, а именно от них и происходят некоторые ветви настоящего рода. Причем в деревне Кишкине Горе по «Переписной книге Устюжского уезда 1677–1678 гг.» они уже не упоминаются – там проживали только представители крестьянского рода Зубовых. Но часть рода, обосновавшегося в другой упомянутой деревне – Кожаево, осталась на месте и продолжила фамилию. О чем имеется запись ниже в «Писцовой книге Устюжского уезда 1676–1683 гг.» по волости Никольская Слободка: *В той же Никольской Слободке великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра*

⁴ Будущий профессор в 1918 г. едва не пострадал в Великом Устюге по указанию бывшего в то время председателем губисполкома И.М. Шумилова, женатого на Екатерине Ивановне Покровской. Другой пламенный революционер-большевик, в честь которого в Устюге также названа улица, – Павел Иванович Покровский, приходился Екатерине братом.

⁵ Священно- и церковнослужители градских тотемских Богоявленского собора и Троицкой церкви Сорокины Стефан Иванов, Петр Стефанов, Василий Стефанов, Иван Стефанов, скорее всего, имели устюжские корни: их возможный отец и дед – священник Богоявленского собора Иван Федоров Сорокин, – был переведен в 1732 г. из устюжского Вознесенского собора из диаконов, а в дьяконы поставлен в 730 годе и, скорее всего, из посадских людей Сорокиных, корни рода которых прослеживаются до 1623–1626 гг. На посадское происхождение указывает и тот факт, что в диаконы Ивана Федорова Сорокина поставили из *подушного оклада*, будучи уже священником, он также был положен в *оклад*, и в *Тотемском посаде подушные денги обязались платить тотемцы посадския люди*.

Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев деревни тяглые, живущие, крестьянские... Деревня Кожяево на речке на Кожяеве, а в ней: во дворе Исачко Федоров Сорокин; у него дети Васка, Емелка. У Васки сын Петрушка. Длина двору тринадцатъ сажень с полуаршинном, поперег девять сажень... во дворе **Сенка Иванов Сорокин; у него дети Ивашко, Кирилко**. Длина двору одиннадцатъ сажень с полуаршинном, поперег четыре сажени без чети аршина... [6, ф. 1209, оп. 1, кн. 516, л. 524–579].

Кожяевская ветвь Сорокиных впоследствии сильно разрослась и довольно-таки хорошо исследована одним из авторов, а так называемая «Кишкиногорская» ветвь Сорокиных таинственным образом исчезла. Поскольку отсутствует целый пласт необходимых источников периода 1680–1722 гг., то мы можем лишь предположить, что эта семья (или ее представитель) появляется в числе вкладчиков Голубинской Богородской пустыни и что «пропавшие» Сава Исачков и его сын Иван из деревни Кишкина Гора и есть, на наш взгляд, родоначальники тех самых тотемских Сорокиных.

Как минимум три поколения Сорокиных имели прямое отношение к деятельности Голубинского монастыря. По «Генеральному свидетельству 1722 г.», на 30 сентября, в числе вкладчиков этой обители состоял прописной **Данила Иванов сын Сорокин, 30 лет** [6, ф. 350, оп. 2, д. 3638, л. 207 об.–208]. В «Ревизских сказках Тотемского уезда 1744 г.» Данила Иванов Сорокин числится с семьей по деревне Кожухово Ихалицкой волости: *В прежнюю перепись написанной в Голубинской пустыне Данило Иванов сын Сорокин, 52 лет. У него дети, рожденные после переписи: Сергей, 5 лет; Иван, 5 недель* [6, ф. 350, оп. 2, д. 3641, л. 276–276 об.]. По «Ревизии Тотемского уезда 1762 г.» в деревне Кожухове отмечены: Акилина Иванова – жена Данилы Сорокина, его сын Сергей и дочь Мария. Сам глава семейства умер в 1751 г., годом раньше скончался его младший сын Иван [6, ф. 350, оп. 2, д. 3644, л. 647 об.].

Таким образом, можно сделать вывод, что Данила Сорокин по каким-то причинам (вероятно, из-за женитьбы на старинной крестьянке деревни Кожуховицы) стал обычным черносошным крестьянином. Вкладную он мог переписать на родного брата и племянника: так, в материалах второй ревизии, поданной 26 октября 1744 г., а затем и третьей – за 1762 г. – по Голубинской пустыни среди вкладчиков значатся: **Ермола Иванов сын Сорокин, 50 лет. У него сын рожденной после переписи Михайло, 15 лет** [6, ф. 350, оп. 2, д. 3641, л. 681 об.–682, д. 3645, л. 534–534 об.].

О Михаиле Сорокине упоминается во входящих документах Великоустюжской духовной консистории за 1755 г.: *Месяц октябрь во 2-й день. № 698. Доношение Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни строителя иеромонаха Павла, коим представляется, что записного за той пустыней Михайлу Сорокина принять желает* [2, ф. 363, оп. 1, д. 948, л. 68 об.].

«Ревизские сказки Тотемского уезда за 1762 г.» сообщают об изменениях в составе семьи: *Ермола Иванов сын Сорокин <...>, умре в 1750 г., у него сын Михайло <...>, умре в 1756 г., у Михайла сын рож-*

денной после ревизии Дмитрий, 13 лет [6, ф. 350, оп. 2, д. 3645, л. 534–534 об.]. Отсутствие в документе имен жен у Ермола и Михаила (тогда как у других вкладчиков жены записаны) скорее всего означает только то, что их к 1762 г. также не было в живых.

Поскольку в «Исповедных ведомостях Голубинской Рождественской церкви» 1774 и 1779 гг. имени младшего Сорокина нет, можно утверждать, что Дмитрий выехал оттуда гораздо раньше. В Великом Устюге в *Петропавловской сотне* (во второй части города) жила его тетка по отцу Ирина Ермолаева, бывшая замужем за устюжским посадским человеком Егором Ивановым Манушкиным⁶, которая могла принять сироту [8, с. 266].

Что заставило Ермолая Сорокина в свое время записаться именно за Голубинскую пустынь, что делал Михайло Сорокин в 1755 г. в Устюге – сказать трудно.

Дмитрий Михайлов также не сидел на месте, природная предприимчивость и грамотность дали свои плоды: сын бывшего монастырского служителя стал уважаемым членом устюжского посадского общества. В «Алфавитном списке» устюжан за 1786 г. указано, что дом Дмитрия Михайлова сына Сорокина построен собственный на *бывшей экономической земле*, живет он в городе, *находится у здешних купцов во услужении* [2, ф. 361, оп. 1, д. 75, л. 23 об.].

В 1789–1790 гг. *промышленник ряду печения больших и малых колачей и ржаных хлебов* мещанин Дмитрий Сорокин по выбору исполнял обязанности старосты. 18 апреля 1790 г. он подал прошение в магистрат с просьбой уволить его в связи с необходимостью отъездов: *А как состоит мне надобность из дешияго города Устюга Великаго отлучится в разные российские города, точною еще от этой должности никак отлучится невозможно* [2, ф. 361, оп. 3, д. 3675, л. 1, д. 3898, л. 1].

В «Списке купцов и мещан первой части Устюга Великаго за 1798 г.», помимо сведений о семейном и имущественном положении, также сообщается о частных отлучках (*к сожалению, без указания их причин и вида деятельности устюжанина*): *Мещанин Дмитрий Михайлов Сорокин, 49 лет. Женат на девице Катерине крестьянина Алексея Лопатина дочери, 41 года. У них дети Иван – 21, Петр – 11, Александра – 22, Марья – 18, Федора – 16, Параскева – 5 лет. Дом имеет на грацкой земле, теплых 2 покоя, во 2-м квартале под № 108. Живут в городе и в отлучках, обретаются в работах*⁷ [2, ф. 134, оп. 1, д. 155, л. 66]. По всей вероятности, Дмитрий Михайлов служил приказчиком у какого-то купца или даже имел собственное дело. На это указывает хотя бы тот факт, что в 1798 г. общество выбрало его *в первую часть сего города в частные маклера*. Правда, от этого назначения 7 марта 1798 г. Дмитрий Сорокин отказался

⁶ В материалах Ревизии 1762 г. по Устюгу значатся: *Егор <Иванов сын Манушкин>, 48 лет. У него жена Ирина Ермолаева, 31 года, взятая Тотемского уезда Голубинской пустыни записнаго Ермолая Сорокина дочь*.

⁷ Всего у четы Сорокиных родилось 9 детей; самые младшие умерли во младенчестве, еще одна девочка – в подростковом возрасте. Екатерина Алексеевна намного пережила мужа: он скончался в 1803 г., она – в 1821. Вообще большинство мужчин в роду Сорокиных не отличались долголетием.

в связи с *одиначеством* (с какой-то совместной деятельностью или контрактом) и вместо него по договору маклером согласился быть мещанин П.А. Суровцев [2, ф. 361, оп. 3, д. 6394, л. 1–1 об.].

Потомки Дмитрия Михайлова Сорокина занимались ремесленничеством, в том числе и «серебряной» работой. Так, в материалах устюжской Пробирной палатки в перечне мастеров числится **Василий Сорокин**, «вписавшийся» в палатку в 1835 г. В 1836 г. он предъявлял к сплавке выжигу, монеты и серебряный лом, клеймил табакерку и одни схваты, оправу на хрустальный стакан (все лучшего мастерства), столовую ложку, 2 перстня, табакерку (среднего мастерства), 4 чайных и 6 пуншевых ложек, 2 чайных и 12 пуншевых ложек. Отчество Василия в документе не указано, но у известного великоустюгского историка-краеведа начала XX столетия В.П. Шляпина в списке серебряников упомянут **Василий Петров Сорокин**, то есть внук Дмитрия Михайлова Сорокина. У Михаила Рехачева в книге «Северная чернь» сообщается, что Василий Петров Сорокин с 1825 года десять лет учился черневому мастерству у Ф.К. Бушковского [2, ф. 9, оп. 1, д. 364, л. 5, 6, 7, 9, 24, 25, 29; 5, с. 77; 9, с. 104].

В реестре великоустюгских мещан – серебряников за 1879–1880 гг. отмечен **Сорокин Павел**, живущий за пределами Устюга – имеет мастерскую и жительство в **Яренском уезде** – и не бывший к сплавлению или клеймению (край документа истлел и оборван, текст почти не читается)⁸ [2, ф. 9, оп. 1, д. 312, л. 5, д. 318, ф. 584, оп. 2, д. 18, л. 171 об.]. Серебряником, как уже говорилось, был и отец Питири-ма Сорокина – Александр Прокопьевич.

В посвященных П.А. Сорокину исследованиях известных авторов лишь вскользь упоминается о его братьях и их судьбе. Сам Питирим уделил им всего несколько страниц в своей книге. Это и понятно – братьев, кроме родства, практически ничего не связывало, они жили разной жизнью. Если с Василием (старшим братом) Питири-ма объединяло начало трудовой деятельности и определенные политические убеждения, то с младшим, Прокопием, – только совместно проведенное время, когда Питирим приезжал в Римью и в Великий Устюг к родственникам. Известны ни жизненный путь, ни даты смерти Василия и Прокопия: в имеющихся публикациях лишь повторяются слова самого Питири-ма, считавшего, что старший брат был расстрелян за связь с белогвардейцами, а младший погиб в Великоустюгской тюрьме в 1920-е гг.

Василий Александрович Сорокин после расставания с братом еще в юности, занимался тем же, чему научился у отца – художественным ремеслом. В фонде Великоустюгской управы сохранился документ с показаниями самого Василия. На наш взгляд, документ имеет историческое значение, поэтому процитируем его полностью с сохранением стиля и орфогра-

фии: 1905 года мая 23 дня Устюжский мещанин **Василий Александров Сорокин** являсь сего числа в Устюжскую Городскую Управу, лично заявил, что он считает себе в настоящее время 20 лет, но, наверное, не знает в каком году подлежит отбыванию воинской повинности, т.к. метрических сведений о рождении своем не имеет; но он знает, что он крещен причтом Коквицкой Христорождественской церкви Яренского уезда. Ныне я имею семейство: бабушку Марию Сорокину, родных братьев Питири-ма 16 лет и Прокопия 12 лет. Значущиеся в представленном мне посемейном списке Управы (№ 517) отец мой и мать умерли – первый в 1904 году, а мать в 1893 году. Братья мои крещены: Питирим причтом Турьинской Воскресенской церкви Яренского уезда, а Прокопей – Жесарской Спасской церкви того же уезда. Вероисповедания Православного, холост, окончил курс в Коквицкой церковно-приходской школе, но свидетельство об этом утерял. Занятие мое чеканщик и серебряник; промышляю в селе Жесарском Жесарской волости Яренского уезда. Верно ли я записан в посемейном списке (ныне представленном мне) в 1887 году – сказать не могу. Устюжский мещанин **Василий Александров Сорокин**⁹ [2, ф. 2, оп. 1, д. 920, л. 102].

Поскольку согласно записи в посемейных списках купцов и мещан Великого Устюга за 1887–1898 гг. Василий родился 10 февраля 1886 г., а не 1885 г. [2, ф. 2, оп. 1, д. 579, л. 295 об.], призван на срочную воинскую службу он не был. Как единственному кормильцу в семье, имеющему несовершеннолетних братьев и престарелую бабушку, Василию полагалась льгота. В 1907 г. устюжского мещанина, серебряных дел мастера Василия Александровича Сорокина зачислили в ратники 2-го разряда, а 16 марта 1909 г. – 1-го разряда¹⁰ [2, ф. 575, оп. 1, д. 291, л. 21 об., д. 297, л. 78 об.–79.]. Других сведений о старшем брате Питири-ма Сорокина в фондах архива ВУЦА обнаружить не удалось. Возможно, он действительно, как пишет Питирим Александрович, уехал в Петербург, устроился там на работу и, подпав под революционные настроения, угодил в сибирскую ссылку [7, с. 18]. Погиб Василий, по мнению Питири-ма, осенью 1918 года на архангельско-устюжском фронте [7, с. 18].

По поводу младшего Сорокина ученый либо заблуждался, либо сознательно утаивал правду, утверждая, что Прокопия арестовали, когда в Великом Устюге был установлен коммунистический режим, причем под арест он попал из-за того, что был братом врага коммунистов № 1 [7, с. 22]. Не совсем соответствуют и другие факты биографии Прокопия, изложенные в романе.

Питирим Александрович, хотя и отметил в своем сочинении, что Дранковские Михаил Иосифович и Анна Прокопьевна официально усыновили племянника (случилось это в октябре 1912 г.), но по каким-то причинам скрыл, что, по установленному порядку, тот взял не только фамилию, но и отчество приемного родителя [2, ф. 2, оп. 1, д. 1009, л. 68 об.–69].

⁸ Отчество мастера не написано, но второго Павла Сорокина, кроме Павла Петровича, брата Василия, среди устюжских мещан не обнаружено. Возможно, в документе допущена неточность, так как Павел Петров сын Сорокин умер от чахотки 11 марта 1849 г., о чем есть запись в «Метрической книге Устюжской Варваринской церкви». В «Книге записи мастеров за 1881–1887 гг.» фамилия Сорокиных не значится.

⁹ Документ заверен личной подписью В.А. Сорокина. Название села искажено, правильно – Жешарт.

¹⁰ В романе П. Сорокин ни словом не обмолвился о том, что братья жили с бабушкой. Скорее всего, это был повод для получения льготы.

Согласно «призывному списку» 1912 г., Прокопий Михайлович Дранковский – грамотный, занимается торговлей¹¹ [2, ф. 2, оп. 1, д. 1009, л. 68 об.–69; 7, с. 21]. 12 марта 1913 г. Прокопий подал прошение в Великоустюгское присутствие по воинской повинности о предоставлении ему льготы 1-го разряда, как единственному сыну. В прошении он указал, что усыновитель страдает неизлечимой болезнью и вместе с женой находится *всецело* на иждивении Прокопия, служившего приказчиком у великоустюгского купца Николая Петровича Зепалова (с сыном которого, как известно, дружил Питирим Александрович). 25 апреля 1913 г. заявление младшего Сорокина *оставлено без последствий*, так как право на льготу имели только родные сыновья или усыновленные до 10-летнего возраста, к тому же у Прокопия имелось два взрослых трудоспособных брата. В дальнейшем за предоставление льготы хлопотал уже Михаил Иосифович Дранковский. Он дошел до исполняющего должность губернатора, но все возвратилось на круги своя. При освидетельствовании здоровья усыновителя доктора дали заключение, что он *к труду <...> вполне способен*, кроме того, Михаил Иосифович и сам заявил, что *занимается торговлей хлебом, зарабатывает собственным трудом и от упомянутой торговли*. Справки о том, что Прокопий проживал в их семье с 8 лет, Дранковские предъявить не смогли. На основании этих обстоятельств им снова отказали в предоставлении льготы, и Прокопий, как значится в призывном списке, был *принят на службу под № 12*. Послужного списка П.М. Дранковского не обнаружено, находился ли он в войсках, не установлено. Переписка по поводу ходатайства закончилась в ноябре 1913 г. В «Списке ратников пополнения» льготников 1–4 разрядов и не имеющих льгот ни за 1913, ни за 1914 гг. Дранковский не числится [2, ф. 575, оп. 1, д. 612, л. 1–31, д. 688, л. 108–111]. В Первой мировой войне он, судя по всему, участия не принимал, во всяком случае, об этом свидетельствуют данные, опубликованные на сайте, посвященном «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.»¹² [2, ф. 2, оп. 1, д. 1009, л. 117 об.–118, ф. 575, оп. 1, д. 352, л. 24 об.–25; 10].

Прокопий жил вместе с усыновителями – на Красной горе, в старом домике близ пивоваренного завода Г.Л. Зебальда. В романе Питирим Александрович упоминает о том, что жена Елена, во время нахождения его под арестом, проживала у его брата [7, с. 138]. *Через маленькое окно моей камеры можно увидеть кусок поля за тюремной стеной* [7, с. 135] – здание Великоустюгской тюрьмы находилось на ул. Липовской, в то время на окраине города, у *поскотины*. Дом Дранковских по местным меркам располагался не так далеко от тюрьмы, – менее получаса ходьбы.

¹¹ П.А. Сорокин в романе утверждал, что Прокопий занялся торговлей после армии и с *благословения* тетки Анисьи Римских.

¹² Питирим Сорокин также подлежал призыву в армию. 31 декабря 1910 г., как обучающийся в Санкт-Петербургском университете, он получил отсрочку *по 4 п. 61 ст. Устава, до 27-летнего возраста, но не далее призыва 1916 года*. В 1914 г. он, устюжский мещанин, православного вероисповедания, холостой, окончивший курс учения в Императорском Санкт-Петербургском университете, получил новую отсрочку *на основании статьи 61 Устава о воинской повинности до призыва 1919 года*.

В начале 1920-х гг. Прокопий Михайлович, видимо, еще не испытывал особых материальных проблем: новый дом (хотя и небольшой, состоящий из 1 комнаты и кухни) он построил на месте ветхого старого в 1922 г. Позднее положение его ухудшилось, несмотря на НЭП. С 16 ноября 1924 г. он значился как *безработный пролетарий*, состоял на Бирже Труда (билет № 5288). Вместе с ним проживали жена Дранковская Евстолия Ивановна, 24 лет, также безработная, и тетка (приемная мать) Дранковская Анна Прокопьевна – домашняя хозяйка. Дети в документе («анкете о наличии и использовании жилплощади»), откуда взяты эти сведения, не указаны¹³ [2, ф. р-205, оп. 2, д. 4, л. 29, 30 об.]. 23 февраля 1926 г. Прокопий Михайлович Дранковский подавал заявление в Великоустюгский горсовет с просьбой признать право собственности на дом и выдать соответствующие документы¹⁴ [2, ф. р-611, оп. 6, д. 244, л. 1].

* * *

Таким образом, нам удалось проследить род Питирима Сорокина, начиная с первоисточника – «Писцовою книги города Устюга Великого и Устюжского уезда 1623–1626 гг.», где его предки, хотя и без фамилии, зафиксированы в деревне Кожаево. «Переписные книги Устюжского уезда» второй половины XVII столетия, где Сорокины отмечены уже под своей родовой фамилией в деревнях Кишкина Гора и Кожаево, подтверждают наше предположение о происхождении их из указанного селения.

Найдено ли начало «дальней дороги» – покажут время и новые открытия, которые, мы не сомневаемся, еще последуют, ведь работа над биографией ученого не прекращается.

Литература

1. Баданин, Д. Д. Родословие никольской деревни. – Кичменгский городок, 2012.

2. Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 579, 920, 1009; Ф. 7. Оп. 1. Д. 464; Ф. 9. Оп. 1. Д. 312, 318, 364; Ф. 134. Оп. 1. Д. 155; Ф. 361. Оп. 1. Д. 11, 75, 3675, 3898, 6394; Ф. 363. Оп. 1. Д. 95, 361, 948, 2152, 2765, 2766, 3728, 4368, 5942; Ф. 364. Оп. 1. Д. 75, 7024, 7278, 7379, 7876, 8541; Ф. 575. Оп. 1. Д. 291, 297, 352, 438, 612, 623-а, 688; Ф. 584. Оп. 2. Д. 2, 9, 18, 23; Ф. Р-205. Оп. 2. Д. 4; Ф. Р-611. Оп. 6. Д. 244.

3. Дойков, Ю. В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1. (1889–1922) / Ю. В. Дойков. – Архангельск, 2008. – 432 с.

4. Зенкова, О. Б. Тотемская Голубинская Богородицкая пустынь / О. Б. Зенкова, В. В. Копытков // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север–2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия», посвященной памяти А. В. Камкина. – 27 февраля. – 3 марта 2019 г. – Вологда, 2019. – С. 538–540.

5. Рехачев, М. В. Северная чернь / М. В. Рехачев. – Архангельск, 1952.

6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350 (Ландратские и ревизские сказки). Оп. 2.

¹³ В Великом Устюге жили и другие родственники П.А. Сорокина по линии отца, но, вероятно, отношений с Дранковскими и уж тем более с Питиримом они не поддерживали.

¹⁴ В деле, кроме заявления, содержатся: краткое описание домовладения на участке № 949 в 55 квартале, план дома, распоряжение об отводе участка, 1921–1926 гг.

Д. 3638, 3641, 3644, 3645; Ф. 1209 (Поместный приказ).
Оп. 1. Кн. 516, 15040, 15041

7. Сорокин, П. А. Долгий путь. Автобиографический роман / П. А. Сорокин. – Сыктывкар : Шыпас, 1991. – 304 с.

8. Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – Москва, 1883.

9. Шляпин, В. П. О финифтяной фабрике, существовавшей в Устюге в XVIII веке и о черневой на серебре работе // Записки Северодвинского общества изучения местного края. – Вып. IV. – Великий Устюг, 1927.

10. «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.». – URL: <https://gwgr.mil.ru> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.

О.В. Zenkova, V.V. Kopytkov, D.A. Pshenitsyn

THE BEGINNING OF PITIRIM SOROKIN'S «LONG ROAD»

The article marks the 130th anniversary of Pitirim Alexandrovich Sorokin's birth (23.01.1889–10.02.1968). He was a prominent sociologist who made a considerable contribution to the world of science, living the greater part of his life (45 out of 79 years) in the United States of America. The article analyses the archival data to show that the family of Pitirim Sorokin comes from Ustyug land. In 1963, being in his declining years, he wrote and published his autobiographical work "The Long Road", in which he told the reader his story full of hardship and danger. In post-Soviet Russia, this book was published only in 1991, and since then it has been in great demand. Pitirim Sorokin is especially honoured in the Komi Republic, his native land.

Veliky Ustyug, Golubinskaya Monastery, «The Long Road», Pitirim Sorokin, cadastres and census books, genealogy, Totma, Ustyug and Yarensky districts.

Приложение

КРАТКАЯ НИСХОДЯЩАЯ РОСПИСЬ РОДА ПИТИРИМА СОРОКИНА

Иван Сорокин

Данила, 1692–1751
Ермолай, 1694–1750

Ермолай Иванов Сорокин

Ирина, 1731–?
Михаил, 1729–1756

Михаил Ермолаев Сорокин

Димитрий, 1749–1803

Димитрий Михайлов Сорокин + Екатерина Алексеева (Лопатина), 1757–1821

Александра, 1776–?
Иван, 1777–1820
Мария, 1780–1825
Федора, 1782–?
Пётр, 1787–1845
Параскева, 1790–?
Иван, 1792–1792
Марфа, ?–1796
Алексей, 1798–1798

Пётр Дмитриев Сорокин + Анна Егорова (Гладышева), 1790–1861

Николай, 1811–1851
Дмитрий, 1814–1859
Василий, 1816–1887
Павел, 1819–1849
Иван, 1821–1834
Алексей, 1823–?
Александр, 1826–1854
Прокопий, 1831–1884

Проконий Петров Сорокин + **Мария Алексеева (Здрогова)**, 1839–1908(?)

Александр, 1856–1900(?)

Агния, 1867–?

Екатерина, ?–?

Анна, ?–?

Надежда, ?–?

Александр Прокопьев Сорокин + **Пелагия Васильева (?)**, ? –1894

Василий, 1886–?

Питирим, 1889–1968

Проконий, 1892–?

Основание: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3638. Л. 207 об.–208; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3641. Л. 276–276 об., 681 об.–68; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3644. Л. 647 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3645. Л. 534–534 об.; ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 75. Л. 23 об.; ВУЦА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 288 об.–289; ВУЦА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 579. Л. 295 об.–296; ВУЦА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 464. Л. 237 об.–238; ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 75. Л. 4 об.; ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7024. Л. 19 об., 108 об.; ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 7379. Л. 137 об., 196 об.; ВУЦА. Ф. 584. Оп. 2. Д. 2. Л. 4, 8 об., 14 об., 18, 28, 32 об., 55 об., 105; ВУЦА. Ф. 584. Оп. 2. Д. 9. Л. 11 об., 17 об., 30 об., 38, 40, 46, 59 об., 61, 78, 92 об.; ВУЦА. Ф. 584. Оп. 2. Д. 18. Л. 116 об., 171 об., 199 об.; ВУЦА. Ф. 584. Оп. 2. Д. 23. Л. 40 об., 51 об.–52, 61 об.; Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1883. – С. 266.